

ПОЛИН РЕСИ

ЦАРОВНИЦА
НА МОСТУ
СОЖАЛЕНИЙ

18+

Полин Реси

Чаровница на Мосту Сожалений

<https://litres.ru/74388953>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда глупые садовые заклинания оплетают ноги наёмных убийц, сверкают клинки и танцует смертельный танец блистательный Страж великого города Верена, благородный Лука Альбьери. Когда путаются планы сильных и пробуждаются замершие судьбы, и тонкий аромат духов сильнее магии, а над портом взлетает Дракон, значит, на Мосту Сожалений в своей лавке творит волшебство Чаровница. Маленькая колдунья без роду, без племени, и всесильный Гардьано ди Верена, золотые светлячки на тонких пальчиках и яростная сталь, будто сама судьба решила связать их вместе. Но ведь сиятельные Альбьери не женятся... Таков закон.

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1.	6
Глава 2.	19
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Полин Реси Чаровница на Мосту Сожалений

Вместо пролога

В устье реки Серры, там, где она впадает в теплое Коринское море, шумит, торгует и богатеет город Верена. Если бы вы сидели на спине дракона и видели Верену с высоты его полёта, то вам бы предстал большой полукруг, обращённый к порту и бухте, разделённый пополам сияющей на солнце голубой Серрой, но тут же сишитый назад стежками бесчисленных мостов, причудливых и прекрасных, и ни один не похож на другой.

Вы бы увидели три дуги крепостных стен, отмечающих рост города, как кольца на спиле - рост дерева. Трижды город, разросшись, обретал новые предместья, и трижды заключал их в защитные каменные объятия. Последнюю, внешнюю стену, усилили глубоким и широким рвом, и на строго запретили строить что-либо за ним. Четыре дороги лучами устремляются к четверем мощным воротам с подъемными мостами, сюда спешат караваны со всех кон-

цов полуострова Тали, и всего прочего подлунного мира. Величественная Башня Дракона возвышается над стенами и видна далеко за пределами города, служа постоянным напоминанием о том, что перед вами единственный город, который вот уже скоро триста лет бережёт могучий Дракон.

Из «Путеводителя по Подлунному миру,
составленному и отредактированному
синьором Гвидо Баллесиани,
путешественником и любовником,
в 1215 году от рождения Лунной Богини».

Глава1.

Реджина Стрега. 12 мая 1217 года.

Мне нравилось возвращаться с рынка по Виа дей бари (**улица Плуты - итальянский*). Облапошили тебя ловкие торговцы, или ты сама оказалась не промах, самое место подвести итоги. Несмотря на близость к торговым рядам, улочка была тишайшая, видно местные плуты здесь только ночевали после трудов несправедливых. Уже загорались теплым апельсиновым светом уличные фонари, но людей пока почти не было, видно сворачивали лотки да паковали товар на рынке. Мне удалось продать симпатичной аптекарше пару снотворных микстур и целую армию бутылочек «от бури в животе», вертлявому парикмахеру - флакон розовой воды, и на вырученные деньги купить подарок тётушке. Красивая узорчатая шаль уютно покоилась на дне корзины, и, судя по тому, что доходы мои с расходом сошлись в ноль, плутовка в этой истории - не я.

Серая Веренская брусчатка, мелкая и аккуратно подогнанная камешек камешку для пешеходов и уложенная большими прямоугольными плитами для повозок, услужливо ложилась под ноги, да ещё и путь мой от рынка шёл под уклон, отчего возвращение домой с покупками в конце тяжелого и суетливого дня были лёгким и приятным.

Реджина Стрега на улице Плутов

В который раз за недолгие месяцы жизни в Верене я поражаюсь мудрому устройству этого прекрасного города. Удобные, ровные и сухие мостовые, выложенные мелкой галькой водостоки, тотчас отводившие воду с улиц после редких, но неизменно мощных ливней. Городские служащие, разбрасывавшие на улицах мелко порубленное сено, чтобы тотчас смести его и убрать прочь, едва оно впитает грязь от протекавших бочек с вином и маслом, повозок, лошадей, мулов и прочих примет шумной и суетливой жизни самого торгового города континента. Многочисленные фонтаны на каждой площади и маленькие чаши-фонтанеллы с питьевой водой на стенах домов, спасающие вечно спешащих куда-то горожан от привычного тут полуденного зноя. Частые патрули в синих мундирах, степенно покуривающие ароматный табачок и зорко следящие за порядком не только в богатых кварталах, но и на самых окраинах. Придирчивые инспектора, проверяющие чистоту магазинных витрин и окон частных квартир и развешивающие уведомления об обязательном обновлении краски на стенах домов. Степенные гильдейцы, бдящие за порядком каждый в своей сфере, будь то честность весов на рынках или в магазинах, за что отвечала Гильдия торговцев, или здоровье разнообразного городского скота, вверенное Гильдии коновалов и извозчиков. Я усмехнулась, вспомнив, как помотали мне нервы господа от зельеварения

и парфюмерии, пока рассматривали выдачу простенькой лицензии для открытия лавки. И как едва не сорвались все наши с тётушкой планы, когда я грешным делом подумала, что дотошные синьоры просто тянут из меня чиновничью мзду. Думала, удар хватит враз побагровевшего от подобной обиды гильдейского стряпчего. Спасло меня лишь то, что, охваченный лишаяющим дыхания возмущением, он временно утратил дар речи, что дало мне возможность рассыпаться перед ним в торопливых и искренних извинениях, снабжённых для убедительности лёгкими, но обильными женскими слезами.

Да уж, Реджина, сказала я сама себе, перекидывая большую корзину с локтя на локоть, попутно уворачиваясь от внезапно выпорхнувшей из соседней лавки дородной красивой веренской матроны в сопровождении стайки разновозрастной чистенькой ребятни, умеешь ты находить друзей. И тут, бросив взгляд в сторону, я впервые заметила узкий проход между домами, гордо отмеченный табличкой «Перулок Каталины». Надо же, у этого недоразумения есть имя и даже табличка! И собственное освещение, правда, размещённое почему-то внизу, на стыке свежеокрашенных рыжих стен и булыжной мостовой. Маленькие, явно магические, светильники, отбрасывали тёплые всполохи света на многаяжды, слой на слой, оштукатуренные стены чуть добавляя им таинственности. Дух плутовства и жажда приключений завладели мной. Это судьба, решила я и свернула в проход.

В переулоч боковыми фасадами выходили четыре дома, по два справа и слева. Получалось, что здания были узкими с главных фасадов, но очень длинными с боков. Между верхними этажами жильцы рядами натянули веревки из окна в окно и гордо вывесили всё, от нарядных камзолов до застиранных панталон огромного размера. Интересно, здесь бывают вероломные кражи белья? Ведь достаточно просто подтянуть к себе веревку, хитроумно пропущенную через кольцо, и выбирай, что приглянулось. А уж как удобно было бы хозяйкам орать друг на друга прямо из окон, обвиняя в коварном хищении панталон, благо от дома до дома рукой подать!

Среди всего этого галантерейного великолепия царствовал единственный балкон, густо увитый диким виноградом. На балконе вкусно курила трубку пышная красотка лет семидесяти, в полосатом чепце с пером и разноцветными лентами.

Меня изумило множество дверей, выходивших в тесный переулоч, и я подумала, что если все жильцы, а судя по верёвкам с бельём их тут немало, разом выдут из дома? Здесь и двоим-то разминуться мудрено. Тем паче, что почти в конце переулоча половину его ширины заняла огромная бочка, доверху наполненная дождевой водой. Рядом с бочкой располагалась дверь с горделивой надписью «Джузеппе Варди. Бочкарь».

Я уже собралась повернуться боком, чтобы протиснут-

ся мимо, как из мастерской бочкаря вышел юноша, совсем мальчик. И я замерла, залюбовавшись. Ему было лет шестнадцать. Выющиеся тёмно-русые волосы обрамляли нежное прекрасное лицо, длинное, скуластое, с прямым, изящной лепки носом. Он был строен, высок и широк в плечах, и я подумала, ещё пара лет и все горожанки от семи до семидесяти рискуют потерять покой и сон. Юноша заметил меня, галантно приподнял широкополую шляпу и с улыбкой произнёс: «Доброго вечера, синьорина!». А потом направился прочь из переулка. Я стояла, очарованная взглядом ярких голубых глаз. Он почти вышел на улицу, но в этот момент чередой вспышек и хлопков раскрылось не меньше полудюжины одиночных порталов, и за его спиной появились вооружённые люди.

Такое уже однажды случилось в моей жизни. Десять лет назад мы с Кастором едва вышли из комнаты в коридор собственного дома, как те же хлопки и вспышки навсегда изменили нашу жизнь. Я, что есть силы, крикнула парню: «Берегись!». Он услышал и обернулся. Обернулись и убийцы, все как один прятавшие лица за масками. Это дало мальчишке пару мгновений, но он не бросился бежать, а вдруг запустил в небо что-то вроде петарды, сбросил шляпу и выдернул из ножен шпагу. На лице его была такая решимость, что я застонала от боли и осела на мостовую.

Так выглядел мой муж, выхвативший шпагу в совершенно безнадёжной ситуации. Тогда он тоже обернулся, посмотрел

на меня и улыбнулся в последний раз. Кастор понимал, что у него нет ни единого шанса, но сражался, чтобы выиграть время, чтобы я могла дожждаться помощи. Которая никогда не придёт. Мы не знали, что стража подкуплена, не знали, что всё решено. Он удерживал проход в нашу спальню, всё ещё украшенную ко дню свадьбы. Он был моим мужем, а ещё он был мальчишкой, ведущим свой первый и последний не тренировочный бой. В девятнадцать лет.

Раздался первый лязгающий звук, когда сталь встретила сталь. И этот звук полоснул по моему сердцу, по моим воспоминаниям. Я снова видела, как Кастор упал, а главарь нападавших швырнул в спальню какой-то флакон и сказал: «Уходим, эта сама сдохнет». И из разбившегося флакона по комнате пополз страшный фиолетовый дым.

Мальчишку уже оттеснили на улицу, и обходили дугой, стремясь зайти в спину. Я лихорадочно соображала, чем могу ему помочь. Ни боевых заклинаний, ни иллюзий, ни спасительных порталов в моём арсенале не было, разве что... Я зажмурилась, шепча на память садовое заклинание, которое, вычитав в старинной книжке, однажды использовала на тётушкином доме и поклялась больше никогда-никогда не вспоминать. И с последним словом «Крешере!» (**Расту!* – *итал.*) выбросила руку в сторону нападавших. Тотчас из булыжной мостовой им под ноги рванули десятки цепких колючих лоз. Двое убийц запнулись, а один даже упал на колени, но этого было так мало!

Ослепительная вспышка озарила всё вокруг, и рядом с юношей появился мужчина с двумя сияющими клинками в руках. Скомандовал: «А фьянко!» (**fianco a fianco* – *спина к спине, итал.*) и мальчик тут же встал с ним спина к спине, выставив перед собой шпагу.

- Гардьано! – раздался испуганный вопль одного из злодеев. И я поняла, что вижу перед собой легендарного Гардьано ди Верена, Стража Верены, Лúка Альбьери. Нападавшие попробовали отступить, но наткнулись спинами в какую-то невидимую преграду. Страж хищно и страшно улыбнулся. Вот каким вырастет мальчик, подумала я, видя несомненное семейное сходство. Длинное узкое лицо, идеальное в каждой черте. Тоже высокий, но гораздо выше мальчишки, широкоплечий. Он весь был как звенящий клинок, смертоносный и прекрасный. Только волосы были другие, короткие, выбеленные солнцем. Светлая неровная чёлка падала ему на правый глаз. А потом он насмешливо отсалютовал противникам шпагой и начал стремительный танец, похожий на сияющий сталью вихрь.

Мои глаза успевали ухватить лишь краткие эпизоды этой схватки, вновь ставшей неравной, но только перевес теперь был совсем на другой стороне. Вот он отразил поспешный рубящий удар сверху, а второй рукой вогнал дагу в грудь противника, сделал шаг, и они с мальчишкой синхронно развернулись, подставляя Стражу новую жертву. Вот дага отклоняет чужой клинок, захватывает, и он летит прочь. Мальчик бьет своей шпагой врага в бедро, и Лука отшвыривает раненого ударом ноги наземь. Вот алым росчерком с клинка слетает кровь, и безжалостная рука страшно и легко рассекает чью-то глотку. И ещё разворот. Почти небрежный, танцующий шаг, смертельный в этой лёгкости. Взгляд режет раньше клинка, холод улыбки пронзительней стали. А потом последний укол и Страж небрежно вытирает шпагу плащом одного из павших. Клинки снова ложатся в ножны. Одобрительно хлопает мальчика по плечу, берёт за шкурку единственного раненого, но ещё живого противника, второй рукой обнимает едва стоящего на ногах парнишку и исчезает в ещё одной яркой вспышке. Раздаётся топот ног, и свистки стражи, самое время... Я тяжело опёрлась о мостовую, вставая, ладонь нестерпимо жгло, будто я, сама того не заметив, ободрала её о камни, подняла корзину с земли, покачиваясь и то и дело придерживаясь за близкие стены, поплелась обратно на Улицу плутов. Идти мимо трупов было выше моих сил.

Мы с тётушкой прибыли в Верену несколько месяцев назад. До того она долго сетовала то на провинциальную скуку, несколько не смущавшую её предыдущие десять лет, что мы пробыли вместе, то на жадность торговцев, по дешёвке скупавших магические притирания и прочую косметическую ерунду, которую я наострилась изготавливать в своей лаборатории. То соблазняла меня сокровищами Городской библиотеки Верены. А всего сильнее действовали на меня её рассказы о чудесных торговых рядах и крошечных лавках благовоний, где можно найти сандал и мирру, амбру и плюмерию, ваниль и пачули. Не заказывать по почте и ждать месяцами, не бояться, что по дороге выдохнутся или смешаются чудесные ароматы. А просто зайти в лавку и выбрать... И с каждым таким разговором Верена пугала меньше, а манила сильнее.

А потом однажды тетушка Клементина положила передо мной красочный рисунок. На нём был удивительный мост над рекой, белый, с ажурными каменными перилами с одной стороны и рядом лавок с другой. Знаменитый Понте дей Римпианти (**PontedeiRimpianti*— *Мост Сожалений, итал.*), один из символов самого богатого и самого свободного города мира, Верены. Города банкиров, магов и торговцев, города Дракона.

Вот уже скоро триста лет, как город охраняет могущественная семья Альбьери, род Гардьано ди Верена, Стража Верены, способного призывать Дракона. Нет флота, что мог

бы противостоять ему, нет армии, которая не бежала бы, нет магов, что решатся напасть на Дракона Верены. Раз в год Гардяно поднимается на городскую стену и призывает Дракона, подтверждая свои права на титул и обещая городу защиту.

- У тебя есть талант, девочка. А ты заставляешь его пылиться в тесной лаборатории да зарываешь в грядки с мандрагорой, - сказала тётушка и придвинула мне картинку.

- Почему он называется мостом Сожалений? – спросила я, пытаюсь снова увернуться от сложной темы. Но Клементину Голлини было не так-то легко сбить с пути:

- Может, в честь тех, кто оставил на нём все денежки. А, может, в честь тех, кто упустил свой шанс. Ты много трудилась, Реджина, и скопила немало. А я отлично играю в карты, - она выложила на стол письмо, как выкладывала козырь, готовясь снова унести выигрыш. Письмо было от поверенного из Верены, он сообщал, что залог за лавку на том самом мосту внесён, квартира с видом на тот же мост нанята, и уже через неделю нас ждут в Верене.

Тетушке нездоровилось задолго до нашего переезда, но в первые недели она часто приходила в закрытую пока лавку, гладила стены, любовалась только что установленным прилавком, ворчала на мастеров, собиравших стеллажи. Увлечённо командовала цветочницами, создававшими причудливые гирлянды из роз, гортензий и лилий под потолком. Потом, когда ей трудно стало выходить, зарылась в расход-

но-приходные книги и писала поставщикам. Вот и сегодня она ждала меня дома, как всегда готовая выслушать истории о том, как продвигается работа. Я остановилась у модной лавки с огромным зеркалом, смотрящим с витрины. Пригласила непослушные русые кудри, переплела распустившуюся косу, оглядела себя, в который раз пожалев, что уродилась такой мелкой. Дамы Верены были все сплошь высокими и статными, как отнесутся они к хозяйке магазина, которая едва выше их плеча? Зато у тебя красивые зелёные глаза, всегда утешала мои страдания тётушка Клементина, и мордашка что надо. Я улыбнулась, что бы ни случилось, вернуться к ней я должна непременно с улыбкой.

Глава2.

Лу́ка Альбьери. 12 мая 1217 года.

Когда в один прекрасный день стало очевидно, что даже все сокровища Верены вместе взятые не могут соблазнить самых отъявленных злодеев попробовать свои силы в схватке с охраняющим город драконом, именно Фабио Альбьери поставил вопрос о том, что же нам делать дальше? Завоеватели всех мастей единодушно выразили своё твердое миролюбивое «не очень-то и хотелось!» и устремили свои честолюбивые планы в иных направлениях. Обыватели наслаждались долгожданным миром, а перед нами возник вопрос о своей дальнейшей роли в жизни уже ставшего нам родным города и необходимости сохранения боеспособности выпестованной нашими усилиями гвардии. Жители Верены, ребята деловые и экономные, потирали ручки в ожидании сокращения расходов на военные нужды в пользу обустройства города садами, парками и новыми торговыми площадями, тогда как мы, по меткому выражению Фабио, помнили, что «нельзя недооценивать изобретательность людской жадности». Нам совершенно не улыбалось в один совсем уже не прекрасный день оказаться лицом к лицу с новым и более изощрённым противником, но уже без поддержки армии. И потому, пока горожане не додумались до фразы «всем спасибо, все свободны», Фабио основал Городскую стражу, а Ло-

ренцо изобрёл ритуал Призыва дракона.

Каждый представитель гвардии, буде он желал продолжить службу отечеству на новом поприще, получил право внеочередной подачи заявления, с обязательным указанием всех заслуг и рекомендациями, по меньшей мере, двух командиров. Для прочих желающих было выделено столь ничтожное количество мест и объявлены столь сложные испытания, что очередь выстроилась от здания ратуши до Главного рынка, а это как-никак восемь кварталов.

Предприимчивые жители Верены быстро смекнули, что ежели что-то достаётся с трудом, то оно точно того стоит, и чего мало – хватай не глядя. Вопросы о том, что это за новая служба такая и зачем она нужна, потонули во всеобщем ажиотаже. Так началась история Городской стражи Верены под руководством Фабио Альбьери. Сам придумал, пусть сам с ней и мается.

Конечно, городские головы подумывали об использовании дракона для укрепления своей власти, мол, «а чего полезная штука без дела простаивает» и «да он бы раз-два и никаких беспорядков». Опять же пограничные города и княжества управляются бестолково и счастья своего не понимают... Но что-то оно у них как-то не сложилось, кроме сложения полномочий с самых увлечённых новаторов драконьей политики. Окончательную точку в этом вопросе поставил опять же Фабио. Где-то спустя год после его воцарения на посту шефа стражи, в порту разразилась целая баталия

между Гильдией портовых рабочих Верены и объединёнными силами экипажей почти всех имевшихся у причалов иностранных торговых судов. Не смотря на спонтанность и, чего греха таить, полную ничтожность повода, свалка получилась грандиозная.

И тогда Фабио вывел в порт три десятка униформистов с короткими деревянными дубинками и маленькими круглыми щитами с ударным каучуковым шишаком в центре. Парни вклинились в ряды мутузящих друг друга противников как духи возмездия, раздавая удары направо и налево, провалились в центр, встали плотной группой и запустили «глушилку». Это забавное изобретение накрывало большую площадь пологом абсолютной тишины, сжирающей на пять минут все звуки, вплоть до биения сердец, быстро деморализуя сражающихся. Привычные к этой штуке парни Фабио, в отличие от портовых буянов, не пытались рвать глотку, а просто терпеливо ждали, покуривая в кулачок. Время истекло, пара-тройка особо ретивых попробовали было вернуться к безобразиям, но были вежливо и твердо убеждены в тщетности попыток. Тут уж подоспела служба первой помощи пострадавшим, организованная Фабио буквально на сдачу от стражи.

Именно в кабинет Фабио я и приволок еле стоящего на ногах Венсана и взятого на поле боя раненого языка.

- О, какие гости, - вяло выразил радость от встречи Фабио. Видимо, отдавая дань своему странному солдафонскому

чувству юмора, он восседал в кабинете под своим же собственным портретом. На котором он восседал в том же кабинете начальника стражи, в той же ярко-синей форме, за тем же столом. Лоренцо утверждал, что Фабио неслабо потратился на работу мага, зачаровавшего портрет, а потому не только он сам, но даже бумаги и книги с его стола на портрете были точь-в-точь. «Думаю, чтобы магия дольше не выветривалась, он с тех пор не меняет мундир и причёску» - заговорщицки добавлял Лоренцо. Хотя, насколько я помню, свою странную причёску он не менял лет с двадцати. Тогда он впервые гладко зачесал в высокий хвост свои длинные чёрные волосы, и завязал их там в какую-то то ли петлю, то ли фигу всем окружающим.

- У меня два вопроса. Почему ты не явился на зов Венсана и куда мне деть этого ублюдка? – настроение было так себе, не до церемоний.

- Не драматизируй. Я прибыл на вызов одновременно с тобой, но без присущей тебе помпы. Понял, что вы справитесь без меня. И придержал своих ребят, чтобы не мешались под ногами. На улице они приберут, не беспокойся.

Фабио порывлся в одном из ящиков стола, достал ремешок с двумя круглыми подвесками посередине, отстегнул одну из них, оставил на столе, и подошёл к пленнику, всё ещё оставшемуся без сознания. Ремешок он застегнул на шее наёмника и нажал в центр подвески, она засветилась и Фабио скомандовал:

- Номер три.

Пленник исчез. Фабио усмехнулся на мой вопросительный взгляд:

- Полностью экранированные от магии камеры. И без дверей. Переход туда через ошейник, возврат – через медальон у меня на столе. Другого доступа нет.

- Ничего не разрешай ему надевать на себя, - сказал я Венсану. Мальчик слабо улыбнулся.

В кабинет ворвались Лоренцо и Элоиза, вернее, ворвался Лоренцо, а Элоиза царственно вплыла следом. Брат выглядел так, будто только что выбрался из постели, где оставил не меньше полудюжины красоток. Он только сейчас застёгивал последние пуговицы на рубашке, криво заправленной только с одной стороны. Роскошный бархатный бордовый колет мог и вовсе принадлежать не ему, поскольку готовился вот-вот треснуть под натиском широких плеч. Элоиза, напротив, была неизменно элегантна. Из высокой причёски не выбивался ни единый локон, осанка королевы, восхитительный бирюзовый туалет, белые перчатки и кокетливая крошечная шляпка, игриво сдвинутая вправо. Наша нежная красавица тут же бросилась к Венсану, что-то ласково зашептала, заворковала... Лоренцо уселся на угол стола Фабио, оглядел нас двоих и спросил самое важное:

- Кто это был?

- Наёмники, - сообщил Фабио то единственное, что мы сейчас знали наверняка. Элоиза встревоженно обернулась.

- Я забираю Венсана подальше от города, разбирайтесь тут сами, - заявила она.

- Нет, - возмутился мальчишка, - Я останусь, нужно найти девушку!

Фабио резко вскинулся:

- Какую ещё девушку? – он поочерёдно смотрит на меня и Венсана. Я только пожимаю плечами.

- Она спасла меня, крикнула, и я смог успеть позвать вас. Иначе они бы прикончили меня! Фабио! Ты должен её найти!

- Где ты её видел? – спрашивает Фабио.

- Прямо в переулке.

Брат выглядывает из кабинета и быстро отдаёт приказ:

- В переулке была девушка, свидетельница. Всё узнать и доложить, - и рявкает напоследок, - Быстро!

Он оборачивается к нам, задумчиво смотрит на Венсана и Элоизу, потом всё же принимает решение:

- Забирай Венсана к Луке, Лоренцо побудет с вами. А мы пока поболтаем с тупым ублюдком, которого они притащили.

Коротким движением брови Элоиза сказала всё, что думала и о привычке Фабио раздавать приказы, и о его манере выражаться, ласково коснулась плеча Венсана:

- Идём, мой хороший, - и, обернувшись к Лоренцо, продолжила с той же тягучей, мягкой нежностью, - Энцо, помоги мальчику.

Глава 3

Реджина Стрега. 27 августа

Наконец, настал день, когда мы были готовы открыться. Зал магазина отремонтирован, тёплое ореховое дерево прилавка и стеллажей отполировано, полы начищены до зеркального блеска. Круглые магические шары по периметру давали ровный свет солнечного осеннего дня, мягкий и не слепящий глаза. На прилавке расположились жардиньерки с ароматными солями для ванн и белья, крошечными цветочными саше для простыней и прочими душистыми безделушками. Справа от прилавка разместилась витрина с надушенными ажурными перчатками и кружевными платочками, всё под магическим стеклом, чтобы ароматы не смешивались в удушающую какофонию.

По потолку висели гирлянды из цветов, пол украсил большой и пёстрый восточный ковёр, мягко глушащий шаги будущих посетителей, а в самом центре зала царил круглый, прочный, с единственной, но очень надёжной лапой, дубовый стол. На нём я буду проводить «сеансы», создавая индивидуальный парфюм для особых клиенток. Опытный мастер-краснодеревщик вырезал на столешнице увитый орнаментами большой треугольник, разделенный на три продольных сегмента. Нижний – база парфюма, затем в середине – средний тон, называемый сердцем, и острая вершина для

верхних нот аромата.

Реджина Стрега и её магия

Осталось совсем немного – привести в магазин покупателей. Именно эту задачу мы и собирались решить сегодня. Пока рабочие приколачивали снаружи вывеску «Парфюмерная лавка», мы с Лиззи командовали грузчиками, которые должны были перетаскать в нанятую повозку двенадцать больших коробок и очень аккуратно их там уложить. На каждой коробке было напечатано «Парфюмерная лавка Реджины Стрега на Мосту Сожалений, дом 7». В коробках прятались по четыре длинных деревянных ящичка с такой же надписью, а в них – наше новое тайное оружие. Коробки были погружены, я забралась в повозку, оставив Лиззи последние хлопоты в магазине, и мы тронулись в путь.

Многажды я просила совета у членов гильдии парфюмеров, обходила успешных торговцев с вопросами, но ответ был всегда вроде «Синьора, у вас же не булочная, и не винный магазин, куда сразу побегут покупатели из всех окрестных домов. Тут нужно терпение, и репутация, и знакомства». Терпения у меня немного было, а вот с остальным...Надо было срочно где-то их добыть.

Повозка остановилась у главной резиденции Городской стражи. Пару недель мы с Лиззи буквально шпионили за стражниками. Ходили по их любимым тавернам, болтали с горожанами и даже самими стражниками. И случайно родившаяся идея казалось всё более удачной. Стражников уважа-

ли, у них была репутация, их видели и знали в каждом уголке огромного города. Оставалось сделать так, чтобы они захотели сказать обо мне пару добрых слов.

Меня беспрепятственно пропустили во внутренний двор резиденции, где я легко нашла дежурного и попросила о встрече с их легендарным шефом, Фабио Альбьери. На карточке, которую я передала, было золотым тиснением выведено «Реджина Стрега. Мастер гильдии зельеварения и парфюмерии». Меня попросили подождать в маленьком садике прямо посреди резиденции, и, о чудо, благородный дон сам спустился ко мне. Выглядел он, как и положено столь серьёзной персоне. Высокий и могучий, как столетний дуб, строгий, как последний судья, в синем с золотом мундире. И, не смотря на всю суровость, очень красивый. Высокие хищные скулы, фамильный разлёт прямых чёрных бровей, твёрдый взгляд, сильный подбородок. Он посмотрел на меня с лёгким недоумением учёного, впервые встретившего небывалое, но больно мелкое явление, оценил безупречный реверанс, отвесил ответный поклон и, наконец, заговорил.

- Приветствую вас, синьора Стрега. Чем обязан неожиданному визиту?

Кажется, сама земля под моими ногами вибрировала от его низкого, сильного голоса. Я выпрямилась, посмотрела на него и постаралась говорить как можно спокойнее и проще:

- Мессир, я совсем недавно проживаю в Верене. Завтра откроется мой магазин на Мосту Сожалений, - Альбьери

кивнул, будто всё это было ему известно, - Я одинокая женщина и смогла оценить, насколько безопаснее чувствуешь себя в городе, который берегут ваши стражники.

Он снова сдержанно кивнул, принимая комплимент, а я продолжила:

- Я думала, есть ли что-то, чем я могу проявить свою скромную благодарность Страже. И привезла подарки.

Брови его лишь чуть приподнялись. Ох, какой сложный человек! Я постаралась говорить мягко и даже ласково.

- Даже пробыв в городе совсем недолго, я заметила обычный, характерный для всех стражников. Они носят усы. Для ваших людей я приготовила маленькие коробочки с моей фирменной помадой для усов.

- И сколько их?

- По четыре дюжины в двенадцати коробках, - как хорошая ученица бойко выдала я.

- Почему такое число? – ну, вот что его интересует!

- В страже состоит 564 рядовых гвардейца, - уже опасаясь его реакции, созналась я, -Ещё дюжина коробочек про запас, быть может, для гражданского персонала...

- Вы хорошо подготовились, - неожиданно похвалил он, и, обернувшись в сторону дежурного офицера, маячившего на галерее, гаркнул:

- Людей на разгрузку у входа. И Бригитту ко мне.

Я решила просто стоять и помалкивать, скромно потупив глаза. Спустя пару мгновений четвёрка дюжих молодцев

протопотала на улицу, а из резиденции выплыла удивительная девушка. Она шла, кажется, не касаясь земли, длинное чёрное платье без единого украшения струилось и трепетало, а совершенно белые распущенные волосы плыли по воздуху. Она казалась русалкой в тягучей воде, словно её оведало невидимое течение. Она подошла к нам, коротко кивнула Фабио Альбьери и произнесла глубоким грудным голосом:

- Экселенс, вы меня звали?

Тотчас весёлые усачи внесли во двор мои коробки. Фабио указал на них рукой.

- Проверь.

Она обошла мой груз, провела пальчиком по одной, потом по другой коробке, и совершенно спокойно, без какой-либо эмоции попросила:

- Откройте их все.

Я немного суетливо бросилась исполнять. Девушка равнодушно заглядывала в каждую, потом пальчиком показала, что я должна достать один из деревянных ящичков с помадами. Провела по нему рукой и открыла, достала одну из коробочек, отвинтила крышку и принялась, не поднося к носу, кивнула чему-то, закрыла и вернула мне. Обернулась к шефу и холодно спросила:

- Что я должна была найти?

Фабио усмехнулся и ответил:

- Ты мне скажи.

- Пчелиный воск, масло абрикоса и виноградных косточек.

чек, эфиры кедра и лимона. Без эманаций, без следов вредоносной магии. Стандартное магическое закрепление состава, которому обучают в Академии Келены. Выполнено профессионально. Что-то ещё?

- Нет, спасибо, можешь быть свободна.

Девушка вдруг обернулась ко мне и неожиданно мягко сказала:

- Нашим мальчикам бы понравилось.

Я смотрела ей вслед, очарованная и поражённая этим странным явлением. И оставшимся после неё явственным запахом ладана.

- Я благодарю синьору Стрега за подарок Страже и обещаю передать личному составу имя дарительницы и её наилучшие пожелания, - пророкотал Фабио Альбьери.

Я сделала реверанс, и уже было собралась уходить, когда он спросил:

- Почему ромашка?

- Простите? - не поняла я.

- Ароматом ромашки на вашей карточке вы думали сделать меня мягче?

Я улыбнулась:

- Нет, мессир, так этого не добьёшься. Ромашка – лишь смиренная просьба не гневаться на дерзость.

Он кивнул, чуть улыбнулся каким-то своим мыслям и принялся раздавать приказания относительно моих подарков. Я же поспешила обратно в лавку, к Лиззи.

Трясаясь в повозке по мостовой, я вспоминала удивительную девушку Бригитту. Посмотреть её ауру я, конечно, не решилась, а теперь ужасно жалела об этом. Потому что девушка, без сомнения, могла быть только некроманткой. Бледная кожа, выбеленные волосы, безжизненный голос – не были обязательными чертами таких магов, но они часто выбирали подобный облик и манеру поведения, отгораживаясь от любопытных. А вот развевающиеся без ветра одежды и волосы говорили о многом. Когда некроманты задействовали свой дар, два противоположных потока энергии, жизнь и смерть, спиралями обвивали их тело, создавая необычный внешний эффект. В такие моменты, если смотришь их ауру, видны и оба потока. А я упустила такую возможность...

Первые результаты дали о себе знать уже утром. В едва открывшуюся лавку явился дородный улыбчивый стражник средних лет, скромно потоптался на пороге, а потом решительно двинулся ко мне:

- Синьора Стрега? – спросил он.
- Доброе утро, чем могу быть полезна?
- Растерялся я в этом вашем женском царстве, - ухмыльнулся он, осматривая всё вокруг, - Я вот чего пришёл, поблагодарить вас. Супруга моя, Майя, сказала, что, наконец, от меня не воняет табаком, хоть целуйся, - и он тепло и весело улыбнулся, покрутив напомаженный заливхватский ус.
- Я очень рада, - ответила я. И, действительно, обрадовалась такому живому подтверждению своих надежд. А он до-

стал свёрток и протянул мне.

- Майя вам пирожков с яблоками послала. Велела к завтраку успеть. Сказала, вы их всегда покупаете, когда заходите.

Я ахнула. Ну, конечно, аппетитная булочница Майя, их лавка была совсем рядом, как раз по дороге к торговым рядам, куда я часто хожу.

- Майя из «Булочной Прего»? Это ваша супруга? – обрадовалась я.

- А то! – гордо ответил стражник и снова улыбнулся. К супруге он возвращался с бутылкой розовой воды и кусочком ароматного мыла с ванилью.

Потом за день пришли ещё трое стражников, с букетом фиалок, домашним вареньем и корзиной яблок. А за первый месяц их перебывало в лавке столько, что мы с Лиззи сбились со счёту. На улицах они кивали мне, как старой знакомой, а проходя патрулём мимо магазина, неизменно отдавали честь. Так ко мне потянулись первые покупательницы. В основном солидные матери семейств, им требовались отдушки для белья, розовая вода или массажное масло с травами, которое я разливала из бочонка в маленькие бутылочки. А нет-нет, да и доходило дело до скромного флакончика духов в подарок на свадьбу или иное торжество.

За ними пришли симпатичные весёлые купеческие дочки, которым полюбились такие же весёлые цветочные духи «Лизон» и баночки жемчужной пудры, томные актрисы яви-

лись за надушенными перчатками, потом супруги и дочери гильдейских воротил и банкиров. Этим требовалось всё, от ароматных солей до дорогуших гранёных флаконов «Аллюра». Многие спрашивали о столике посреди зала, изучали вырезанную на столешнице схему, слушали, восхищались, но не решались. Я ждала, раз за разом повторяя, какого удивительного эффекта можно добиться, облачившись в созданный только для тебя аромат.

Глава 4

Реджина Стрега. 28 сентября

К исходу первого месяца нашей работы пришло письмо:
«Приветствую синьору Стрега!»

В силу огромной занятости не имею возможности потратить много времени на посещение вашего салона. Прошу об организации сеанса по приготовлению персональных духов 28 сентября в 2 часа пополудни. Имею в запасе не более часа.

*Искренне Ваша,
Анжелина де Бель-Флёр»*

Оперная дива, самая почитаемая актриса Верены, окружённая толпами поклонников. Баснословно богатая, недоступная простым смертным. Она вплыла в салон в сопровождении служанки с пушистой крошечной собачкой на руках и двух ливрейных лакеев-великанов. Анжелина вся, казалось, состояла из бриллиантов, изысканной парчи и белоснежного шёлка, золотые волосы были уложены в причёску столь сложную, что уж точно не обошлось без магии.

- Синьора де Бель-Флёр бережёт голос, поэтому говорить за неё буду я, - сразу же сообщила служанка.

- Нет необходимости говорить, - улыбнулась я и жестом пригласила диву к столику в центре зала. Лиззи метнулась,

повесила табличку «Закрыто на полчаса» и заперла дверь. Анжелина благодарно кивнула. Я пристально посмотрела на женщину. Очень богата, очень знаменита и обязательно влюблена. Иначе никогда не пришла бы сама. Чуть за тридцать, ослепительной красавицей её сделали слава и успех, а отнюдь не природа. Умная, смелая, упрямая. А ещё та, что легко откроет мне дверь, закрытую до сих пор. Дверь в мир высшего общества. Аристократов в Верене было предостаточно, но, поскольку не было короля, то не было и двора. Здесь вся светская жизнь сосредоточилась в Опере, а её королевой была Великолепная Анжелина.

Краем глаза я поймала окружавший её «флёр». Слово, которое я выбрала сама, поскольку ни наставники в Академии, ни обширные библиотеки Келены так и не дали ответа на простой вопрос, что такое вижу я, и не видят все остальные? Стремления души, выраженные во всполохах цвета, цвет, ощущающийся, как аромат. Призрачные, бьющиеся на ветру ленты, зелёный и белый. Розовые отблески, как тени рассвета. Я улыбнулась и пошла вдоль стеллажей. Правая рука зажглась всполохами магии, с пальцев срывались золотые искры, показывая флаконы, которые мне подойдут в этот раз.

Когда кармашки рабочего фартука заполнились, я подошла к столу и принялась выставлять их на столешницу, каждый на своё место. Вершина пирамиды: зелёный тростник и мята, свежесть, лёгкость, свобода. Середина – белый персик, водяная лилия и роза, изысканность и утончённость. Осно-

вание, дающее крепкую базу, и аромату, и характеру – кедр и ваниль. Заинтересованная, Анжелина склонилась над столом. Я тут же задействовала свой любимый трюк, нас окружила золотистая сфера, подавляющая посторонние запахи и звуки.

- Теперь, синьора, мне будет нужна ваша помощь. Без неё духи будут хорошими, но не идеальными для вас.

- А вы не скромничаете, - заговорила она глубоким контраalto, - Прямо как я, - и улыбнулась.

- По моей просьбе вы будете открывать флаконы, греть их в ладони и передавать мне, - объяснила я. Анжелина кивнула, давая понять, что согласна.

- Итак, - я добавила в колбу на реторте голубой воды из графина, - Начнём с базы, синий флакон. Это кедр.

Она открыла, согрела в руке и протянула мне. Капли упали в колбу. Затем была ваниль, и лилия, и роза. Анжелина грела своим теплом ароматные масла, ловила запахи, её глаза загорались то удивлением, то жгучим любопытством. Я тоже почти перестала говорить, только называла составляющие и указывала на них пальцем. Нас охватило удивительное чувство единения, я ловила её взгляды и точно понимала, о чём она думает. И почти видела того, из-за кого она пришла. Крошечный фейерверк возвестил о завершении маленького колдовства. Овальный флакон из непрозрачного снежно-белого стекла с маленькой крышкой в виде зеленого листа повис в воздухе. Анжелина несмело к нему потянулась. Я кив-

нула, ободряя её. Пальцы обняли бутылочку, звонко открылась пробка. Она замерла, всё ещё не решаясь.

- Ну, же, Анжелина, не мучайте меня, – попросила я, - Попробуйте.

Она коснулась пробкой кожи запястья, чуть подождала и поднесла руку к лицу. Глаза её зажглись надеждой и азартом.

- Я обязательно сообщу вам, чем кончилось дело, - прошептала она.

Теперь у нас была маленькая тихая тайна. И я буду ждать её письма. Сфера исчезла, возвращая нас в мир других людей. Служанка расплатилась, дива кивнула на прощание и удалилась. А на следующее утро пришла записка: «*Противник пал!*», с ней хрустальная колба с плавающей в ней водяной лилией и билет в оперу.

Так в мой магазин потянулись самые благородные и состоятельные дамы Верены.

Глава 5

Лу́ка Альбьери. 5 октября

В опере, и так довольно шумном, на мой вкус, месте, было особенно оживлённо. Если обычно кавалеры переходили от ложи к ложе, выполняя поручения дам и, чего греха таить, разнося светские сплетни, сегодня и многие дамы уже не могли усидеть на месте. Казалось, растревоженный рой пчёл мечется без цели и не может найти успокоения. Блистала гигантская люстра под потолком, блистали бра в ложах и бельэтаже, бриллианты дам и глаза всех сплетниц и болтунов Верены.

В нашу ложу постучали. Аглая Робески, светская красавица, светская сплетница, давняя пассия нашего Роберто. Помнится, когда-то ему равно нравились её молочные плечи, тёмные кудри и умение первой узнавать все самые тайные подробности скандалов высшего света. Аристократическое воспитание и желание всегда оставаться в гуще событий помогло красавице не затосковать после расставания с одним из Альбьери, а кинуться в водоворот балов и раутов, чтобы почти тотчас вытянуть оттуда крупную рыбину. К звонкому имени добавился титул графини и покладистый, вечно влюблённый в супругу, муж.

Склонившись к уху Элоизы, Аглая восторженно зашептала:

- Она сегодня в зале! Представляешь, Анжелина послала ей билет! И она пришла!

- Где же она? – Элоиза заскользила взглядом по ложам.

- Да о ком вы говорите? - прогремел Фабио, всегда желавший знать всё и обо всех.

- О Реджине Стрега! – выпалила Аглая.

Я вздрогнул. Это же та колдунья, отчаянная девчонка с дурацкими заклинаниями, пришедшая на помощь Венсану. Если на неё ополчился свет, быть может, Альбьери стоит вмешаться. Как-никак, мы здорово ей задолжали.

- И что вас так раззадорило, синьора? - спросил как можно небрежней.

- Лука, ты – дикарь и тёмная личность! Это же самая горячая новость! – Элоиза не преминула снова укорить меня за уклонение от жизни высшего общества. Но тут и Фабио подался поближе, кажется, не я один был не в курсе событий.

- Синьора Стрега открыла парфюмерный магазин на Мосту Сожалений, и он быстро вошёл в моду! – торопилась поделиться Аглая, - А несколько дней назад она сделала особые духи по заказу Анжелины де Бель-Флёр. И в тот же вечер, после представления, герцог Конти влюбился в неё!

- Прямо так и влюбился? – с сомнением спросил я, совершенно не представляя холодного и властного Гектора в роли влюблённого поклонника.

- Он шлёт огромные букеты, он бывает в ложе каждый день, он отвозит её домой после спектакля, - подключилась

Элоиза, с явным удовольствием перечисляя приметы падения гордого герцога.

- И при чём тут Реджина Стрега? – поинтересовался Фабио.

- А при том, - драматическим шепотом возвестила Аглая, - Что три дня назад одна моя подруга тоже была у неё, а потом её муж бросил любовницу и увёз жену на побережье! На второй медовый месяц!

Фабио расхохотался. Дамы посмотрели на него с недоумением и обидой. Отсмеявшись, брат безапелляционно заявил:

- Дамы, это всё чушь и бред. У одной появился очередной поклонник, вдобавок к доброй сотне воздыхателей, а ко второй вернулся муж! *Post hoc non est propter hoc!* (**латинская поговорка*) – процитировал древних мудрецов Фабио и тут же перевёл, - После не значит вследствие, умоляю, запомните уже!

Аглая возмущённо фыркнула и вышла из ложи, рассерженно шелестя юбками. Элоиза тоже надулась, демонстративно отвернулась от Фабио и пару минут молчала. Потом, похоже, её начали колоть крошечные иголки любопытства, и она спросила брата:

- Как хоть она выглядит, ты её видишь?

- Да, - он горестно вздохнул, - Напротив нас, отсчитай три ложи вправо. В голубом.

Мы с Элоизой повернулись, выискивая ставшую внезапно знаменитой колдунью. В роскошной ложе, прозванной Ло-

жей примы, которую Анжелина де Бель-Флёр держала для своих особых гостей, спиной к нам сидела синьора в голубом. Её чуть волнистые волосы были заплетены в простую свободную косу, перевитую лентой. Ни дать ни взять, скромная деревенская простушка. Было бы любопытно увидеть её лицо, и я уже прокручивал в голове варианты, как заставить её обернуться.

Тут в Ложу примы вошла сама несравненная Анжелина. Партер подскочил, раздались восторженные приветствия и аплодисменты. Примадонна медленно и красиво склонила голову, отдавая дань публике, и тут же обратилась к своей гостье. Колдунья поднялась, сделала короткий реверанс, и мои брови сами собой поползли вверх. Прима что-то горячо говорила девушке, касалась её плеча, а потом порывисто обняла и тут же отпустила, смутившись. А я всё не мог поверить глазам. Она же крошечная! Хрупкая девушка была едва выше плеча Анжелины. Видимо, ошеломлённая столь бурным проявлением чувств, маленькая колдунья чуть оперлась на обитый бархатом бортик ложи, и с него вниз соскользнул лежавший там белый веер. Я безотчётно подхватил его в полете магией, указательный и средний палец сложились подобием щипцов, удерживая безделушку через всё пространство шумного зала. Повёл руку вверх, и веер, чуть мерцая, медленно поплыл обратно к хозяйке. Время растянулось. Веер плыл, девушка медленно поворачивалась, ища его взглядом, куда-то отступил многоголосый шум зала, словно подёрнув-

шись туманом, померкли огни, бриллианты, лица. Веер поднялся над бортиком ложи, она протянула руку, касаясь его, и взглядом безошибочно провела линию от себя ко мне, отслеживая магию. Наши глаза встретились, сердце оглушительно стукнуло в висках и замерло от дерзкой зелени очей маленькой колдуньи. Она взяла веер, но показалось, что её рука невесомо коснулась моих пальцев. Благодарный кивок головой и она отвернулась. Вернулись шум зала и яркий свет, снова застучало замершее сердце. Я сидел ошеломлённый и смотрел на свою руку, затем обернулся к брату и Элоизе. Фабио хмурился, Элоиза, всегда такая сдержанная, вдруг выпалила радостно, сияя как восторженное дитя,:

- Завтра же мы идём к ней!

В ложе рядом раздался какой-то шум, и, перегнувшись через бортик, к нам заглянул герцог Конти. Горацио сиял:

- Доброго вечера, благородные доны! Моё почтение, Элоиза! Вы сегодня ослепительны!

Я смотрел на давнего знакомого и не узнавал. Расчётливый политик, холодный, жёсткий, вечно убийственно саркастичный, Горацио ди Оливейра, герцог Конти, выглядел... счастливым?

- Элоиза, свет моего сердца, я, кажется, всё пропустил, скажите, где она?

- Мадемуазель де Бель-Флёр? – растерянно спросила Элоиза.

- О, нет, Анжелина в гримёрке, готовится, - и улыбнулся

широко каким-то своим мыслям, - Я про нашу маленькую фею, Реджину Стрега.

Дамы обожали красавца-герцога, они прощали ему снисходительную манеру, насмешливые комплименты, холодный оценивающий взгляд. Всё искупали синие глаза, хищный нос и невероятное влияние на дела чуть ли не всего континента. Раздраженный, я не удержался:

- Не многовато ли фей для одного герцога?

Элоиза щёлкнула меня веером.

- Не обращайтесь внимания, Горацио. Наш Гардьяно ненавидит бывать в опере. Но вынужден сопровождать меня. Предмет вашего интереса в Ложе примы. Синьорина в голубом.

- Благодарю, моя госпожа, - мурлыкнул герцог, прижав руку к сердцу, и скрылся в своей ложе.

Я забеспокоился, что задумал вельможный интриган? А в ложу колдуньи уже входили лакеи в сине-красных ливреях, цветах дома Конти, и вносили огромный букет. Девушка что-то спросила, слуга склонился, отвечая. Синьора Стрега обернулась, ища дарителя взглядом. Горацио показался ей, отвесил элегантный поклон и послал воздушный поцелуй, наглец. Она улыбнулась, прижала руку к груди и чуть склонила голову. Публика была в восторге. Свет начал гаснуть, заиграл оркестр, но ещё долго гулял по залу многоголосый приглушенный ропот, как рокот морского прибоя вдали.

- Делай что хочешь, - прошептала мне Элоиза, - Но завтра

мы должны быть у неё первыми. После полудня лавку просто сметут толпы любопытных.

Короткая увертюра, занавес поплыл вверх. Искусный художник создал на сцене вполне правдоподобную копию городских ворот с высящейся вдали Башней Дракона. На сцену вышла Анжелина. Глубокое низкое контральто поплыло над залом, вызывая вибрации в груди и мурашки по коже. Первая ария Каталины. Начало трагической истории о любви, предательстве и мести. Мало кто сейчас уже знает, что события оперы имели под собой реальную основу. Много лет назад, скрывшись за витиеватым псевдонимом, оперу написал Лоренцо, и он же добился, чтобы крошечный переулок, где заклинание безумия настигло реальную Каталину, назвали в её честь.

Музыка накрыла меня с головой, погрузив в воспоминания, давно ставшие легендой. Я слышал отчаянное рычание Джулиано, полное ненависти и боли, когда мы с Фабио из последних сил сжимали его в объятьях, не давая вырваться и уничтожить город, погубивший его Каталину. Я видел пустые глаза Лоренцо, всю ночь возвращавшего былую красоту мёртвому телу девушки, страшно изувеченному после падения с Башни Дракона. Видел, как он нёс её на руках, объятую его магическими иллюзиями, прекрасную и нежную, как спящее дитя. И знал, что иллюзионист один видит всё так, как есть на самом деле. Рвался забрать у брата его ношу и не посмел. Анжелина пела о любви сквозь все преграды,

но я знал, что в конце разгневанные братья сметут виновных с лица земли, сталью, а не нежностью поставив точку в этой истории.

Элоиза почувствовала меня, как чувствовала всегда, и положила руку мне на колено. Я благодарно коснулся её в ответ. Фабио смотрел куда-то вглубь себя. Мы зря пришли сегодня. Музыка умолкла, наступил антракт. Элоиза, стремясь прервать гнетущее впечатление, заговорила преувеличенно весело:

- Лука, я всё придумала. Сейчас ты пойдёшь к ней в ложу и...

Я кивком указал ей на Ложу примы. Она была пуста. Лишь белый веер лежал на багровом бархате. Я мысленно обвёл ручку веера пальцами, а потом чуть дёрнул указательным на себя. «Портальщик», звал меня Фабио. Веер исчез с парапета ложи, чтобы тут же оказаться у меня в руке.

- Ты гений, - воскликнула Элоиза, - Мы пошлём записку и забытый веер, очень прилично и мило!

Ревниво сжал безделушку в руках, не желая отдавать добычу. Веер почему-то пах апельсинами в карамели, нежно, едва ощутимо. Наблюдавший за нами Фабио тут же встрял.

- Отдай девочке веер, жадина, ты всё равно не умеешь им пользоваться.

- Почему же, я могу им кого-нибудь убить, - ответил я с намёком.

- Ты и без него можешь убить, кого захочешь, - осклабился

он.

- Тоже верно, - согласился я. Наваждение схлынуло, и я протянул веер Элоизе.

Глава 6

Реджина Стрега. 6 октября

Утром пришла записка: *«Уважаемая синьора Стрега! Вчера в опере случайно заметила забытый вами веер. Спешу вернуть его. Мечтаю поучаствовать в вашем сеансе сегодня в 11 утра. Жду ответа с согласием или другой свободной датой.*

С наилучшими пожеланиями, Элоиза Бреттини»

Вчера, измученная сотнями прожигающих меня любопытных взглядов, я сбежала на галёрку. Там никто не разглядывал, не шептался, показывая на меня друг другу глазами, там не нужно было играть невозмутимость и посылать равнодушные светские улыбки. Там я почти смогла забыть улыбку Луки Альбьери, возвращающего мне веер. Я просто слушала музыку, наслаждалась трагическим голосом Анжелины де Бель-Флёр, и перед глазами то и дело всплывал переулочек Каталины. Веер я оставила в ложе, отчего-то боясь к нему прикоснуться, а потом совершенно забыла, как и о букете цветов от герцога. Но букет каким-то чудом опередил меня и ждал дома, а веер явился к утру, маленький гуляка.

Я принялась спешно готовиться к сеансу. Понятия не имею, кто такая Элоиза Бреттини, но она была в опере, она могла себе позволить мои цены, и бумага её записки стоила как ужин в хорошей таверне.

Ровно в одиннадцать звякнул колокольчик и в магазин вошла прелестная блондинка, голубоглазая, нежная, в карамельного цвета утреннем платье и такой же крошечной шляпке-цилиндре. А под руку с ней шел Лúка Альбьери. Он коснулся губами её пальчиков в тонкой перчатке, и пропустил вперёд, легко, как выпускают птичку. Элоиза ответила мимолётным нежным взглядом и устремилась ко мне.

- Я вам писала, - проворковала она ласково.

Я присела в легком реверансе:

- Конечно, прошу вас, синьора Бреттини.

В ушах бешено колотился пульс. Гардьяно остался стоять почти что у входа, сложив руки на груди, в жесте терпеливого ожидания.

Я всегда умела улыбаться вопреки всему. Будь то дурная погода или дурные вести, сквозь скуку или усталость. Вот и сейчас, я сияла, словно ребёнок, распаковывающий подарки. Но губы немели и чуть вздрагивали. Она была красавицей, она была мила и нежна. И она была с ним.

- Можно, я сначала всё осмотрю? – спросила клиентка.

- Прошу вас, синьора, - почтительно ответила я. Она обернулась на Луку, поймала его взгляд и утвердительный кивок, и подошла сначала к прилавку, изучая ароматные мелочи в жардиньерках.

- Говорят, у вас какая-то невероятная пудра? – спросила она, перебирая парфюмированные шарики.

- Да, но боюсь, синьоре, с её кожей, нечего прятать за пудрой, - учтиво ответила я.

Элоиза улыбнулась, чуть сморщила хорошенький носик, и спросила шепотом:

- Посоветуйте сами, что нужно мне?

Я оглядела совершенную фарфоровую кожу, сияющие локоны, ясные голубые глаза.

- Быть может, синьору заинтересует розовая пена для ванн, крем от солнца и... - я заговорщицки стрельнула глазами в сторону её спутника, - И свечи с ароматом ванили?

Она неожиданно зарделась и обернулась к спутнику, озорной голос звенел колокольчиком:

- Лука, дорогой, как думаешь, мне купить для спальни

свечи с ароматом ванили?

Он вскинул бровь, странно усмехнулся и ответил:

- Решать тебе, моё сокровище.

Я вздрогнула от этого голоса, глубокого, сильного, мягкого. Обращённый к другой женщине, он проник в меня, окутал тёплым бархатом, высушил губы, словно горячий ветер и погас где-то в животе. Элоиза что-то сказала, а я не услышала.

- Прошу прощения, синьора?

- Умоляю, не зовите меня так, просто Элоиза, - проворковала она, - Итак, пена, крем от солнца и ванильные свечи. А теперь покажите мне ваше волшебство!

У блистательного Гардяно прелестная супруга, под стать ему, подумала я. Разящий клинок и нежное шёлковое кружево. Всё так, как и должно быть. Сердце непрощено заныло, но я знала, стоит мне взяться за работу, это пройдёт. Я потёрла пальцы правой руки, согревая и будя магию. Она откликнулась, наполняя радостью, побежала золотистыми всполохами по пальцам, обернулась маленькими светлячками и заплясала в ожидании чуда. Я мысленно коснулась Элоизы. Сладкие персики, нагретые солнцем, образ всплыл в голове, словно воспоминание. Я прошла вдоль стеллажей. Решение давалось легко, бутылочки, одна за другой, ложились в кармашки фартука. Радостно кружились волшебные светлячки, чувствуя вдохновение.

Вот я уже расставляю их в треугольник на столе. Верхние

ноты: персик, мандарин и корица. Затем, в середину, к сердцу: роза и ирис. Основанием станет та самая ваниль. Я замерла. Посмотрела на Элоизу. Встретила взгляд внимательный, серьёзный, и улыбнулась. Передо мной была очень нежная, но, кажется, сильная и умная женщина.

Я поманила притаившуюся в углу Лиззи:

- Вчера доставили ветивер. Я ещё не распаковала, принеси, пожалуйста.

Девушка умчалась.

- Элоиза, я пока расскажу, как всё будет, - прошептала я тихо, почти интимно, и она склонила голову ко мне, принимая игру, - Я буду называть ингредиенты, вы – открывать флаконы, греть каждый в ладони и передавать мне.

- Хорошо, - прошептала она. Тут явилась Лиззи, опустила новый флакончик в основание пирамиды на столе и отошла.

Я жестом пригласила синьору к столу и запустила ограждающую сферу вокруг нас. Она чуть ахнула, метнула взгляд на Гардьано, а потом совершенно расслабилась, счастливо улыбаясь. Любопытные у неё отношения с супругом, подумала я.

- Желтая бутылочка, синьора, персик.

Она следовала моим инструкциям, а я наблюдала за тем, как живо она реагирует на каждую составляющую её духов. С персиком она согласилась, мандарину обрадовалась, улыбнулась корице мечтательно, что-то вспоминая. С флаконами розы и ириса была особенно нежна, словно держала в руках

живые бутоны. Теплое чувство симпатии росло у меня в груди. В пробирку отправилась ваниль, настала очередь ветивера. Элоиза уловила землистый, с нотами дерева и палой листвы, аромат экзотической заморской травы и подняла на меня испытывающий взгляд. В её глазах был невысказанный вопрос.

- Вы сомневаетесь? – спросила я как можно мягче. Её глаза были серьёзны и раздумчивы.

- Нет, и, кажется, я поняла, как вы вызвали переполох в свете, - сказала и улыбнулась, светло и радостно. И протянула мне флакон, согретый в ладони.

- Как вы это делаете? – спросила просто, с лёгким оттенком восхищения.

- Не знаю, оно как-то само, - призналась я не только ей, но и себе.

Элоиза улыбнулась понимающе. А потом внимательно смотрела, как, повинаясь движениям моих пальцев, магические светлячки смешивают состав. Закрепление, вспышка и перед нами рождается бутылочка голубого стекла с вкраплениями золота и удивительной ажурной хрустальной пробкой.

- Духи готовы, Элоиза.

Она берёт флакон, нежно гладит его кончиками пальцев, смотрит на просвет и снова гладит. Осторожно открыв, проводит крышечкой по запястью, бережно закрывает и лишь тогда вдыхает аромат.

- Так пахло моё самое счастливое лето, Реджина, - говорит

она, - Спасибо вам.

Сфера сворачивается. Она бросается к мужу, счастливая. Что-то рассказывает ему, а он мягко улыбается, подносит её запястье к своему лицу, и я ловлю обращённый ко мне внимательный взгляд, странный, наполненный какой-то нечитаемой эмоцией, которая тут же тает в глубине.

Глава 7

Реджина Стрега. 6 октября

Я чувствую жжение в правой руке и с изумлением понимаю, что она буквально полыхает. Магия не утихла, а лишь разгорелась с новой силой. Лука воркует о чём-то с Элоизой, и, кажется, тихонько тянет её к выходу. И тогда я обращаюсь к нему:

- Пойдите, у меня есть аромат и для вас.

Он вопросительно приподнял бровь. И только. Но искры между моими пальцами буквально затрещали. Тихо, почти неслышно, но как же они кололись при этом!

- О, чудесно, дорогой, ты должен попробовать! – воскликнула синьора Бреттини. Лука смотрит на неё, а потом на меня, спокойно, чуть испытующе. Я боюсь не удержаться и провалиться в омут тёплых шоколадных глаз.

- Не будь таким букой! Синьора сама предлагает. Иди, иди же! – она потянула его за руку. Он улыбнулся, как улыбаются любимому, но ужасно взбалмошному ребенку, понимая, что легче согласиться, чем переупрямить капризное дитя.

Шагнул к столу и замер, снова выжидательно сложив руки на груди. Я вихрем промчалась вдоль стеллажей. Сандал, кедр, лемонграсс. Бутылочки одна за другой ложились с карман передника. Всё левой рукой, правую, с двумя соединёнными пальцами, я держала на отлёте. Замерла на секунду.

Средний тон. Мне нужен средний тон. Искорки на кончиках пальцев словно забеспокоились, я посмотрела на них и потерла палец о палец. Как маленькие светлячки они заматались по полкам между склянок и коробочек, касаясь то бутылочки с маслом жасмина, то экстрактов из цветов пиона и лаванды. Но вдруг рванули куда-то в сторону, за занавес, скрывающий служебные помещения. Досадую, что спустила безобразников с поводка, я кинулась за ними и с изумлением увидела, что они все вместе присели на блюдечко с сушеной малиной и листьями мяты, оставленными на столе. Ну конечно, чай-то я себе заварить так и не успела.

Вернувшись в зал, я постаралась не встречаться с Лукой взглядом, обратилась к Элоизе:

- Прошу прощения, синьора. В этот раз придется подождать вам.

И вокруг нас с её супругом сомкнулась сфера. Я медленно и осторожно, всё той же левой рукой выкладывала на рабочий столик ингредиенты. В основании пирамиды оказались керд и сандал, сильные древесные ноты. База. В верхушку лег лемонграсс и бергамот. А в середину я опустила листики свежей мяты и сушеную малину. Я понимала, что сама усложнила себе задачу. Конечно же, мне приходилось экспериментировать с такими банальными, совсем непрофессиональными ингредиентами, но чтобы вот так, не в тишине лаборатории, а прямо на глазах у клиента... Но золотистые искорки моей магии с таким пчелиным энтузиазмом скакали

по кончикам пальцев, что я сдалась.

- Мне будет нужна ваша помощь, синьор.

И снова вопросительно приподнятая бровь. Да что ж ты будешь делать!

- Я попрошу вас брать в руку ингредиент и пару секунд держать на ладони. Сначала кедр, это вот та темно-синяя бутылочка. Прекрасно, осторожно достаньте пробку и сожмите флакон в руке. Благодарю вас.

Я аккуратно забрала бутылочку, и первые капли упали в пробирку. Протянула бутылочку ему, и Лука забрал ее из моих рук, вставил пробку и вернул флакон на место.

- Теперь сандал. Красная.

Пробку долой, секунда-другая в ладони, и вот он уже сам протягивает склянку мне.

- Мята и малина, сожмите их в кулаке, но не слишком сильно. Да, так, спасибо.

Удивительно, как такая большая и сильная рука может быть такой красивой. Широкая кисть, крупные, длинные и ловкие пальцы. Как легко он справляется с крошечными пробочками, как аккуратно и беззвучно возвращает склянки на стол. И кожа. Смуглая, теплого тона, словно в сливки добавили сладкую карамель. О чём это я?

-Достаточно, - пролепетала как-то растерянно.

Боги, какой стыд! И в мою подставленную ладонь упали согретые его рукой листья и ягоды, длинные пальцы едва мазнули по чувствительной коже запястья, а я уже вздраги-

ваю, словно от ожога. Я опустила их вслед за кедром и сандалом, добавила своей знаменитой голубой воды из кувшинчика, который мне услужливо откупорил клиент, и словно в каком-то полусне проделала все манипуляции с бергамотом и лемонграссом. Нет, так не годится. Через мою лавку прошли десятки людей, а значит, в два раза больше рук, и тепло этой одной ладони ничем не примечательней всех предшествующих. Возьми себя в руки, немедленно!

Я тряхнула головой. Всё, я в порядке, честное слово. Нужно только досчитать до десяти. Или до ста. Сердце стукнуло как-то особенно громко. Может, хотело достучаться до моей бедной головы?

Я выдохнула, чуть крутанула собранными вместе указательным и средним пальцами правой руки и мои маленькие колючие помощники тут же привели меня в чувство. Искорки завертелись вокруг пальцев маленьким деловитым вихрем. Взмах рукой и прикосновение к горлышку, потом так, будто я что-то помешиваю. Три искорки нырнули с пробирку, закружились внутри. Я торопила и подбадривала их движениями пальцев, словно перебирала тончайшие невидимые струны, потом послала ещё две. Жидкость внезапно забурлила и из горлышка пробирки со звонким «пух!» вырвался крошечный фейерверк.

Я привычно щелкнула пальцами, закрепляя волшебство. И тут же на месте безликой колбы на подставке возник флакон его парфюма. Тёмное, почти чёрное стекло. Цвет горько-

го шоколада. Как глаза Гардяно. Никаких сверкающих причудливых граней хрусталя, ничего лишнего. Флакон, словно гладкая тягучая капля, застывшая в одно мгновение. Тугая черная пробка, чуть сплюснутая с боков, чтобы удобнее было открыть. Лаконично и почти строго. Строго, если бы внутри флакона не светилось золото аромата. Свет в уютной шоколадной тьме. Кажется, всё получилось!

С улыбкой я глянула на клиента. Он смотрел мне прямо в глаза. Голос бархатный, глубокий, чуть с хрипотцой:

- Я могу их попробовать?

- Ну конечно! – искр на пальцах больше не было, и я ловко открыла флакон.

- Ваше запястье, прошу вас.

Он приподнял рукав, протягивая мне руку. Волнуясь, словно в первый раз, я провела по ней кончиком пробки.

- Не спешите. Дайте им почувствовать вашу кожу. Теперь пробуйте.

Он медленно поднял запястье к лицу.

Мне ужасно хотелось, чтобы ему понравилось. Я уже ощущала этот новый запах, предвидела, как появление Луки в любом месте будут возвещать острые и свежие ноты бергамота и лемонграсса, стремительные, как атака легкой кавалерии. А теплые и сильные древесные ароматы будут утверждать его право быть где угодно.

- Малина и мята, - прошептал он, словно угадывая мои мысли, - Для тайного свидания у камина?

Кажется, у меня вспыхнули щеки, а следом по спине прокатилась жаркая волна. И тут же распалась окружавшая нас сфера. Загомонили голоса посетителей, оказывается, за это время клиентов в лавке прибавилось. Лиззи показывала яркие розовые флаконы «Мадам Аллюр» двум нарядным пожилым матронам, у двери воевали с ворохом пакетов и коробок их измученные компаньонки. Карета с грохотом проехала по мостовой. А синьора Бреттини бросилась к мужу, стгорая от нетерпения. Она тотчас завладела его флаконом, открыла, поднесла к носику и защебетала:

- Лука! Какой восхитительный аромат! Ты должен отблагодарить хозяйку, слышишь, отблагодарить по-королевски!

Он осторожно забрал у нее флакон, вставил в него пробку и убрал куда-то во внутренний карман сюртука. «К сердцу», - промелькнула глупая, наивная мысль, но была с позором изгнана. Я сдержанно и очень профессионально улыбнулась клиентам. Синьора сияла, синьор достал из кармана и протянул мне банковский замшевый мешочек-столбик. В них всегда дюжина золотых монет по десять флоринов каждая. Очень щедро. Я приняла мешочек, но мне на ладонь тут же лег второй. Точно такой же. Брови мои совершенно непрофессионально взлетели вверх.

- Я очень вам благодарен, - произнес он своим невыносимым бархатным голосом. Голосом, который проникал мне под кожу и запускал мурашки по всему телу. Как же хорошо, что сегодня он почти всё время молчал!

Синьора Бреттини рассыпалась в ещё сотне милых благодарностей и утащила-таки своего спутника на улицу, продолжая счастливо щебетать. Дверь звякнула и закрылась за ними. А на меня тут же нахлынула страшная усталость. Ещё бы, два сеанса подряд! Я ласково улыбнулась покупательницам, которые уже расплачивались с Лиззи. Три флорина на большой флакон «Мадам Аллюр» и два за маленький «Клокло». Показала помощнице глазами на занавеску в служебное помещение, давая понять, что хочу отдохнуть. Она понятливо кивнула и улыбнулась.

Оставшиеся после сеанса мята и малина дожидались меня на столике. Всё-таки я выпью сегодня чаю. Пока чай заваривался, достала купленную ещё утром булочку, да уж, тогда я думала, что у меня будет неплохой завтрак. Чай тонкой струйкой полился в чашку. Мята и малина. Неужели теперь, наливая свой любимый чай, я буду вспоминать светловолового красавца с глазами цвета шоколада? И как он улыбался, говоря про тайное свидание у камина?

Из-за занавески появилась Лиззи.

- Я решила закрыть магазин, - заявила она.

- Навсегда?

- Синьора... Вы устали, я устала, дело всё равно к обеду. А два сеанса подряд сделали нам такую кассу, что продажа ещё пары надушенных перчаток и флакона розовой воды погоды не сделают.

- Как всегда разумно, - одобрила я и начала наливать чай

для Лиззи. Девушка метнулась на второй этаж, чем-то там хлопнула, грохнула и вернулась с блюдечком печенья и конфет.

- Рассказывайте, - сказала она, усаживаясь напротив меня.

- Что рассказывать?

- Как вы заманили Гардяно к нам в лавку?

Ну, конечно, было бы странно, если бы бойкая фантазёрка Лиззи не пришла в крайнюю ажитацию от такого явления.

- Никак, он пришёл с женой, - просто ответила я.

- С женой? – Лиззи вдруг захохотала, - Синьора, ну нельзя же так! Вы совсем одичаете в своей лаборатории. Всё работаете, работаете, работаете.

- О чём ты? Объясни уже толком! – рассердилась я на болтливую девчонку.

- Ох! – она выдохнула и постаралась сделать серьёзное лицо, - Вы живёте в Верене, - Лиззи начала загибать пальцы, считая про себя, - Да, восьмой месяц, и умудряетесь заявлять, что к вам явилась жена Гардяно! Синьора! Вся Верена знает, что Альбьери не женятся! Никто из них, и никогда!

Я опешила. Лиззи говорит какую-то ерунду. Это самый родовитый, самый уважаемый род Верены. Они знамениты, как все герцоги и короли мира вместе взятые. Как-то в юности мне даже попался игривый роман для дам с описанием походов Прекрасного Альбьери, да-да, именно так. Я с сомнением посмотрела на девушку.

- Прости, они все что, - я подбирала слово, - Бастарды?

- Вы совсем ничего не понимаете! Много лет назад род Альбьери заключил с городом договор, по которому они защищают Верену, а за это имеют особые права. Они сами называют нового Гардяно, когда старый уходит на покой. Сами судят членов своей семьи, их признание родства не может быть оспорено, - Лиззи снова загибала пальцы, но потом ей надоело, и всё прочее она просто произнесла скороговоркой, - Имеют привилегии в торговле, банковском деле, не обязаны вступать в гильдии, сдавать экзамены на право заниматься магией и всё такое.

- Небось, и налогов не платят?

- Налоги в Верене платят все, - отрезала Лиззи, - Даже Альбьери.

Я подлила ещё чаю, задумчиво погрызла печенюшку, всё прикидывая, как бы поприличнее задать совсем уж неприличный вопрос.

- А откуда же у них берутся дети?

Лиззи с укором посмотрела на меня, вздохнула и тоном старшей сестры, открывающей младшей глаза на жизнь, начала объяснять:

- Дети у них берутся, как у всех. Мужчина спит с женщиной, эту часть объяснять? – я отрицательно помотала головой, - Хорошо. У них много любовниц, ну, по слухам. И иногда благородные донны этим даже хвастаются, думаю, даже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.